

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ КАК ОПЫТ ПРОШЛОГО: СОДЕРЖАНИЕ И СТРУКТУРА

©2015 О.В.Герасимов

Самарский государственный технический университет

Статья поступила в редакцию 19.12.2014

В настоящем исследовании исторический опыт рассматривается в качестве целостного опыта прошлого, всестороннего взаимодействия человека и истории. В его структуре выделяются такие стороны как ностальгический опыт, источниковедческий опыт, нарративный опыт и герменевтический опыт.

Ключевые слова: исторический опыт, ностальгия, нарратив, герменевтика, историописание.

Категория исторического опыта всё шире применяется в философии истории, однако до сих пор в литературе отсутствует единое представление о сущности и содержании данного понятия. Одни философы понимают под историческим опытом накапливающийся в общественном сознании комплекс представлений о закономерностях социального бытия и общественного развития¹. Другие мыслят исторический опыт через переживание и репрезентацию прошлого, в результате чего само прошлое становится необходимым опытом². Знание о таком прошлом становится, как справедливо отмечается философами, становится неотъемлемой частью исторического опыта³. При некотором внешнем сходстве данные философские традиции на самом деле понимают исторический опыт различным образом: в первом случае упор делается на социальную практику, процесс исторического развития общества, во втором – на более широкий спектр взаимодействия человека с его прошлым.

В настоящем исследовании представляется необходимым развернуть понятие исторического опыта, не сводя его исключительно к социальной практике и её фиксации в общественном сознании, опираясь на представления об историческом опыте, разработанных в рамках экзистенциаль-

ной герменевтики Х.-Г.Гадамера и философии истории Ф.Р.Анкерсмита⁴. Понятый в русле данной традиции исторический опыт рассматривается далее как целостный опыт прошлого, охватывающий все аспекты взаимодействия человека и истории. Целостность исторического опыта понимается нами как значимость и взаимосвязь всех составляющих его элементов, а не только некоторых, социально важных сторон. В структуре исторического опыта мы предлагаем сделать акцент на таких его составляющих, как: опыт ностальгический, опыт источниковедческий, опыт нарративный и опыт герменевтический.

Концепция исторического опыта, трактующая его, прежде всего как совокупность социальных практик, находится в поле так называемой субъект-объектной парадигмы, в которой субъект и объект последовательно противопоставляются друг другу, а также достаточно строго разделяются субъект исторического действия и субъект исторического познания, при том, что субъект исторического познания всегда является одновременно и субъектом исторического действия (но не наоборот), что порождает специфические черты исторического познания. Таким образом, исторический опыт понимается, прежде всего, как фиксация в общественном сознании событий исторического процесса, а историческое познание – как его высшее проявление, заключающееся в научно-теоретическом освоении прошлого, выявления его закономерностей, необходимых для дальнейшего развития⁵. По большому счёту, подобное понимание исторического опыта хотя и не лишено оснований, но представляется недоста-

⁰ Герасимов Олег Викторович, кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии.

E-mail: gerasimov@samgtu.ru

¹ Тихонов, В.А. Философско-методологические основания анализа исторического опыта: автореф. дисс. ... д-ра филос. наук / В.А.Тихонов. – М., 2007. – С.11.

² Сыров, В.Н. Сущность и значение исторического знания в современном мире в контексте образовательной ситуации / В.Н.Сыров // Сибирь. Философия. Образование. 1.(0). – 1997. – С.49.

³ Дёмин, И.В. Философия истории как региональная онтология / И.В.Дёмин. – Самара: Самарс. гуманитар. академия, 2012. – С.181.

⁴ См.: Гадамер, Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / Х.-Г.Гадамер. – М.: Прогресс, 1988. – С.403 – 445; Анкерсмит, Ф.Р. Возвышенный исторический опыт / Ф.Р.Анкерсмит. – М.: Европа, 2007. – 612 с.

⁵ Тихонов, В.А. Философско-методологические.... – С.11.

точным, поскольку, во-первых, не охватывает все его возможные проявления, а, во-вторых, рассматривает историческое познание как нечто вторичное и, строго говоря, необязательное. Поэтому более перспективной представляется точка зрения, расширяющая понятие исторического опыта на все уровни и способы взаимодействия человека с прошлым.

В действительности, участие человека в событиях исторической жизни общества совсем не означает автоматически приобретения и накопления некоего исторического опыта. Миллионы людей живут, если можно так выразиться, за пределами истории, во всяком случае на уровне восприятия мира как исторического. Историчность существования, которую М.Хайдеггер полагал как фундаментальное свойство экзистенции, на самом деле является не более, чем возможностью, актуализация которой требует того самого опыта прошлого, о котором вели речь Ф.Р.Анкерсмит и В.Н.Сыров. Закрепление социального опыта с помощью механизмов социальной памяти также не предполагает с необходимостью исторического взгляда на прошлое, а понятия исторической и социальной памяти не являются тождественными⁶. Таким образом, социальные условия исторического опыта могут быть рассмотрены не более, чем предпосылки действительного исторического опыта, который имеет прежде всего персональное измерение. Согласно нашим представлениям, исторический опыт является многоаспектным способом переживания прошлого с целью его репрезентации и интерпретации. История необходимо включает в себя ту или иную герменевтику прошлого, соединяя какие бы то ни было исторические реконструкции с актуальной повесткой современности. Исторический опыт не только и не столько закрепляет знания и навыки людей в прошлом, но, действуя избирательно, выводит определённый опыт прошлого и создаёт образ прошлого, описываемый как *история*. Во всяком случае, такое построение требует не только «памяти», но и забвения⁷. Итак, мы склоняемся к пониманию исторического опыта как целостного взаимодействия постигающего прошлое субъекта с исторической действительностью, определён-

го способа переживания, представления и понимания «мира как истории»⁸.

Фундаментом и прафеноменом всякого исторического опыта является, по нашему убеждению, опыт ностальгический. Уже отмечалось, что не всякое воспоминание о прошлом лежит в основе исторического к этому прошлому отношения. Ведь история – это не только прошлое, но и отношение прошлого к настоящему. Следовательно, безразличное отношение к прошлому для историка невозможно. Быть может, это звучит банально, но *историк должен быть влюблён в прошлое*. А любовь к прошлому и называют ностальгией. Ф.Р.Анкерсмит подчёркивает: «Ностальгия и ностальгическое воспоминание сообщает нам наиболее интенсивный и наиболее подлинный опыт прошлого»⁹. Чем так важно ностальгическое воспоминание? Оно исключает сугубо прагматическое отношение к прошлому, заменяя его отношением эстетическим. Это не воспоминание ради чего-либо, это воспоминание ради самого воспоминания. Ностальгия перемещает воспоминающего в его прошлое, подобно тому, как хороший историк должен «переместиться» в описываемое им прошлое для лучшего уяснения связи событий. Ностальгическое воспоминание отличается от обычного тем, что последнее есть прошлый опыт, а первое – опыт прошлого. Очевидно, что это не одно и то же. Но ностальгия – не возвращение прошлого, а тоска по невозможности такого возвращения. Невозможность вернуть прошлое стимулирует желание «рассказать» о нём, наполнить его смыслом, и, тем самым, актуализировать для настоящего. Это и есть рождение живой истории в противовес мёртвой хронике, как это представлял себе Б.Кроче. Таким образом, историческое познание имеет в качестве своей фундаментальной предпосылки ностальгию по прошлому. В какой мере опыт ностальгии и основанное на нём воспоминание прошлого способствуют формированию исторического знания на личностном уровне исследователя-историка? Важность этого вопроса особенно отчётливо проявляется при рассмотрении основных путей эволюции историографии в XX столетии. Одной из наиболее ярких черт современного историописания является сдвиг от «языка» к «памяти». При-

⁶ Подробнее см.: Герасимов, О.В. Феномен исторической памяти / О.В.Герасимов // Вестник Ун-та Российской академии образования. – 2013. – №5(68). – С.133 – 137.

⁷ См.: Анкерсмит, Ф.Р. Возвышенный исторический опыт.... – С.436 – 439.

⁸ Понятие, позаимствованное автором у О.Шпенглера; см.: Шпенглер, О. Закат Западного мира: Очерки морфологии мировой истории / О.Шпенглер. – М.: АЛЬФА-Книга, 2010. – С.16.

⁹ Анкерсмит, Ф.Р. История и тропология: взлёт и падение метафоры / Ф.Р.Анкерсмит. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – С.360.

чём сдвиг этот затрагивает различные пласты – от личностного до социального – исторической памяти. Но история, понимаемая преимущественно как память, попадает в следующую ловушку. С одной стороны, «исторический разум верит в *реальность* (выделено автором – **О.Г.**) прошлого и полагает, что по способу существования, а в известной мере и по содержанию прошлое не обладает иной по сравнению с настоящим природой»¹⁰. Это, в частности означает, что описываемое историей прошлое не может быть интерпретировано как вымышленное, ирреальное или неактуальное; в противном случае оно автоматически перестаёт быть историческим прошлым. С другой стороны, прошлое и настоящее противостоят друг другу, не совпадают друг с другом...¹¹ Ностальгия, подставляя прошлое в переживание настоящего открывает выход из упомянутой ловушки.

Познание прошлого начинается с того, что человек обнаруживает его следы в себе и окружающем мире. Персональный опыт памяти и ностальгии, выступающий в качестве актуализации историчности *dasein*, закладывает представление о генетической связи событий прошлого и настоящего, укоренённости настоящего в прошлом, благодаря чему вещественные и ментальные остатки прошлого начинают восприниматься как его *следы*. Задача историка простирается гораздо дальше: он должен превратить обнаруживаемые следы в источники своего знания о прошлом. Как писал М.Фуко: «...История - это то, что преобразует документы в памятники, в которых расшифровываются оставленные людьми следы...»¹² Источник учреждается вопросами, которые ставит перед памятником историк, и чем больше его погружение в проблему, чем больше его знание о прошлом, тем больше информации он может почерпнуть из казалось бы уже изученных источников. Разумеется, источниковедение имеет в своём арсенале целый набор методов, обладающих высокой точностью, использованием естественно-научных и даже математических оснований, но это касается почти исключительно так называемой внешней критики источника, тогда как критика внутренняя опирается на предшествующий опыт критики и актуальную интерпретацию извлекаемых сведений. В целом, можно отметить, что источниковедческий опыт является существенным моментом опыта исторического, ибо дос-

тавляет нам основное содержание для исторической реконструкции.

Реконструируемое на основании имеющихся источников историческое прошлое, однако, весьма существенно отличается от того индивидуального опыта переживания прошлого, присущего человеку. Фактуальная картина мировой истории принципиально неполна, и её мозаичность усиливается по мере погружения познающего разума в более отдалённые от нас эпохи. Обращаясь к древности, мы обнаруживаем, что установленные историческим познанием факты подобны редким нагромождениям камней в песках забвения... Но, в то же время, наш личный опыт прошлого показывает, напротив, его континуальность и событийность. Поэтому ни один историк не может считать завершённой свою работу, если он не восстановит целостность образа прошлого. Эту составляющую исторического опыта можно обозначить как исторический синтез, или опыт повествования (нарративный опыт). Действительно, если бы историки не прибегали к синтезирующей роли нарратива, то история большинства эпох и стран имела бы вид мёртвой хроники Б.Кроче, подобно ряду древнерусских летописей, начальные страницы которых полны лагун, а «в лето такое-то» как бы ничего и не происходило. Следует согласиться с В.Н.Сыровым, что «дело не в прихоти историка любовно выписывать давно происходившие события, интересоваться именно изменениями поступками людей. Уже элементарный факт установления достоверности события прошлого порождает жёсткую логику создать повествование...»¹³. Природу исторического повествования тщательно проанализировал Х.Уайт, придя к выводу о структурном сходстве исторического повествования и литературного творчества. Объединяющим моментом тут выступает сюжет. «Сборка истории из избранных элементов хроники вызывает вопросы, которые историк, конструируя повествование, должен предвидеть и на них отвечать. Это вопросы типа: что случится потом? Почему это произошло таким, а не иным способом? Как это всё вышло в конце? Эти вопросы определяют повествовательные тактики...»¹⁴ На первый вопрос историк отвечает построением сюжета, на второй – построением исторической теории (что, на наш взгляд, в действительности невозможно, ибо, если следовать К.Попперу, та-

¹⁰ Ле Гофф, Ж. История и память / Ж.Ле Гофф. – М.: РОССПЭН, 2013. – С.31.

¹¹ См.: Ле Гофф, Ж. История и память ... С.31 – 32.

¹² Фуко, М. Археология знания / М.Фуко. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия»; Университ. книга, 2004. – С.43.

¹³ Цит. по: Дёмин, И.В. Философия истории как региональная онтология – С.174.

¹⁴ Уайт, Х. Метаистория: историческое воображение в Европе XIX века / Х.Уайт. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2002. – С.27.

кая теория оказывается нефальсифицируемой, и на практике мы имеем дело с той или иной исторической концепцией¹⁵), на третий – объяснение посредством «идеологического подтекста»¹⁶ В последнем пункте согласиться с Х.Уайтом затруднительно, поскольку он излишне зауживает основания для оценки исторических событий. На наш взгляд, речь тут должна идти не об «идеологическом подтексте», а о *смысловом контексте*. Действительно, понимание исторического события в его связи с настоящим вовсе необязательно должно опосредоваться идеологическими конструкциями современности. Мы вправе говорить также о моральной, эстетической или иной ценностной значимости прошлого.

Данное положение открывает нам ещё одну сторону исторического опыта – герменевтическую. История, в конце концов, есть прежде всего определённый способ понимания прошлого из контекста настоящего, что и придаёт ей социальную значимость; в противном случае, история бы оставалась уделом немногих, находящихся в постижении прошлого чисто эстетического наслаждения или способ удовлетворения любознательности. О роли герменевтики для исторического познания много говорили Х.-Г.Гадамер¹⁷, П.Рикёр¹⁸, Ф.Р.Анкерсмит¹⁹, В.Н.Сыров²⁰. Поэтому мы не будем подробно останавливаться на этом вопросе, требующем отдельного детального рассмотрения; отметим лишь, что понимание и интерпретация пронизывают всю ткань исторического познания, начиная от интерпретации следов прошлого и заканчивая пониманием смысла исторических событий...

Таким образом, мы видим, что понятие исторического опыта не может быть сведено к простой совокупности социальных практик по фиксации и освоению событий прошлого. Напротив, исторический опыт есть прежде всего опыт проникновения в прошлое, сопряжение с прошлым посредством особого опыта, сходного с опытом ностальгии и вырастающим из него. Опыт историковедения раскрывает перед нами профессиональные качества и умения историка как учёного, тогда как нарративная сторона истории (опыт историописания), напротив, поднимает исторический опыт до уровня искусства. Наконец, герменевтический аспект пронизывает всю ткань исторического опыта, выстраивает смыслы исторического, актуализирует прошлое для настоящего.

¹⁵ Подробно об этом см.: Герасимов, О.В. Научность исторического знания и исторических теорий: эпистемологический и методологический аспекты / О.В.Герасимов // Вестник Волжского ун-та им. В.Н.Татищева. – Тольятти: 2014. – №1(15). – С.180 – 185.

¹⁶ Уайт, Х. Метаистория: историческое воображение в Европе XIX века. – С.27.

¹⁷ См.: Гадамер, Х.-Г. Истина и метод... – С.245 – 266.

¹⁸ См.: Рикёр, П. Память, история, забвение / П.Рикёр. – М.: Изд-во гуманитарной лит-ры, 2004. – С.468 – 480.

¹⁹ См.: Анкерсмит, Ф.Р. Возвышенный исторический опыт... – С.271 – 334.

²⁰ См.: Сыров, В.Н. Значение герменевтики для исторического познания / В.Н.Сыров // Comprehensio. Четвёртые Шпетовские чтения. Творческое наследие Г.Г.Шпета в контексте философских проблем формирования историко-культурного сознания (междисциплинарный аспект): материалы науч. конф. Томск, 14 – 17 ноября 2002 г. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2003. – С.416 – 431.

HISTORICAL EXPERIENCE AS EXPERIENCE OF THE PAST: THE CONTENT AND STRUCTURE

© 2015 O.V.Gerasimov^o

Samara State Technical University

In this study, historical experience is seen as holistic experience of the past, full of interaction between man and history. Its structure includes such parties as nostalgic experience, source expertise experience, narrative experience and hermeneutic experience.

Keywords: historical experience, nostalgia, narrative, hermeneutics, historical writing.

^o Oleg Victorovich Gerasimov, Candidate of philosophy, Associate professor, Head of Department of philosophy. E-mail: gerasimov@samgtu.ru